
В. А. КОВАЛЕВ

**МЕЖДУ ЭРОСОМ И ТАНАТОСОМ:
УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ
ИВАНА ЕФРЕМОВА (статья вторая)**

Современная трактовка произведений Ивана Ефремова неизбежно отличается от интерпретаций, господствовавших в то время, когда эти романы были написаны. В книгах И. А. Ефремова связь между утопией и антиутопией напряженно соотнесена с противостоянием Эроса и Танатоса, жизни и смерти. В первой части статьи рассматриваются социально-исторические истоки и морально-политические противоречия эротической утопии Ефремова. Во второй части критически анализируется «инстинкт смерти», который отличает тоталитарные режимы, и некоторые особенности проявления сексуальности, присущие советскому обществу. В третьей части автор обращает особое внимание на сопряжение дихотомии «утопия – антиутопия» в творчестве И. А. Ефремова с теми опасностями, которые угрожают цивилизации, а также на уникальность мировоззрения и творчества самого писателя.

Ключевые слова: Эрос и Танатос, утопия, дистопия, антиутопия, социализм, тоталитаризм, Иван Ефремов, inferно, *utopian studies*.

То ли волшебная страна, то ли смерть.
Один шаг отделяет тебя от той или другой,
и не знаешь, может, это одно и то же?
Иван Ефремов

Этой статьей мы продолжаем серию работ (Ковалев 2015; 2019; 2020), посвященных исследованию социально-политических и футурологических вопросов в творчестве выдающегося советского писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова (1908–1972). Многие проблемы творчества Ефремова рассматриваются нами сквозь призму взаимодействия утопии и антиутопии. Дискурс любви и смерти – как особенность и неотъемлемая составляющая утопического сознания в книгах о далеком будущем или далеком про-

шлом – приводит к миру современников и, так или иначе, отражает социокультурный контекст текущей реальности, проблемы людей, живущих вокруг автора. Особенностью писательского творчества И. Ефремова являются особый реализм и актуальность его фантастики; и его книги, на наш взгляд, могут сказать о советском периоде истории гораздо больше, чем сочинения, созданные в русле «социалистического реализма». Если читать сочинения И. Ефремова под социологическим углом, то эти художественные тексты являются великолепной эмпирической базой для исследования и понимания самых болезненных тем недавней отечественной истории, ее актуальных и опасных тенденций.

Данная работа – это наша попытка понять, как ефремовская философско-художественная диалектика раскрывает тему Эроса и Танатоса – основных природно-божественных сил, определяющих жизнь человека в контексте революционно-тоталитарных практик советского социализма, идеализированного настоящего и прошлого, а также и (анти)утопических проекций коммунистического будущего.

1. Эрос. «Половое просвещение»: красота и этика И. Ефремова против советского «пуризма»

В 1962 г., вскоре после принятия новой Программы КПСС, сулящей близкое построение коммунистического общества, И. Ефремов, уже очень известный писатель и выдающийся ученый, академик-палеонтолог, опубликовал в журнале «Вопросы литературы» статью «Наклонный горизонт (Заметки о будущем литературы)». Первые страницы этого текста представляют собой классический образец пропаганды хрущевских времен, прославление решения XXII съезда КПСС, задачи, поставленные в свете строительства нового общества и т. п. Читать сегодня это даже как-то неудобно. Но вот автор, исполнив положенные идеологические мантры, вдруг резко оживляется и переходит к совершенно необязательным (с точки зрения официальной пропаганды) для заявленной темы вопросам полового воспитания и проблемам взаимоотношения полов, а также их отражению в советской литературе. Писатель, не стесняясь, разносит полные ханжества советские книги, где нормальное влечение к женщине настолько задавлено волей авторов,

что он, глядя на героиню, не смеет опустить глаза ниже ее подбородка или поднять выше колен (Ефремов 1962). Сразу становится понятно, что вопросы половой любви чрезвычайно волнуют Ефремова и тема Эроса является одной из главных в большинстве его произведений.

Несомненно, одной из причин огромной популярности и дефицитности книг Ивана Ефремова в СССР было как раз его отношение к эротике. Вообще в советские времена, когда будущие строители коммунизма сидели на голодном информационном пайке, книги Ефремова были одними из немногих доступных и легальных источников получения информации по ряду тем (а иногда и единственными). В то время мало где можно было узнать и подробно почитать о йоге или скрытых силах организма, о чудесных способностях, а тут знакомый библиотекарь оставляет тебе «Лезвие бритвы» или «Эллинский секрет». Эротике и сексу в официальном советском дискурсе особенно не повезло. В отечественной художественной литературе эротическая составляющая, конечно, имела место, но она постоянно сдерживалась и подавлялась (см: Головановская 2015). В советские времена к этому добавились еще жесткие цензурные ограничения и распространенное «мещанское» ханжество. Собственно, «про Это» на протяжении большей части советского периода посетители библиотек могли прочесть лишь в медицинской литературе, в эпизодах переводных книг «прогрессивных зарубежных писателей» и мало где еще. Столь заметное «отставание» в разработке эротической тематики в отечественной литературе имело печальные «филологические» последствия: при описании взаимоотношений полов в литературе по-русски говорилось либо в выпренне-напыщенных и псевдоромантических выражениях, либо – у «народа» – матом, с использованием всем известных (нецензурных) выражений.

А вот у Ефремова «про секс» было много, и он старался писать об этом красиво. Помимо скрытой и (немного) явной «эзотерики», захватывающих приключений и футурологических перспектив, произведения И. Ефремова – это еще и альтернативный советскому взгляд на эотику. Взаимоотношения полов и отношение к Эросу у Ефремова резко контрастировали с господствующими в Союзе стереотипами и одобряемыми нормами. Коммунистический «крыла-

тый эрос», начавший было свободно употреблять «стаканы воды» в первые годы после большевистского переворота, воспевающий встречи по «собачьим переулкам»¹, довольно быстро и жестоко приземлили и осудили. Аборты запретили, «моральное разложение» могло привести к потере партбилета и краху карьеры, миллионы соглядатаев бдительно смотрели, «кто и с кем», а в литературе и искусстве на несколько десятилетий установился тягучий и отталкивающий пуризм советского типа. В произведениях социалистических авторов любовь если и допускалась, то в качестве чего-то второстепенного. «Тишина, поцелуй на рассвете» если и обозначались пунктирными намеками, то явно как нечто хотя и неизбежное, но второстепенное по отношению к проблемам любви к родине, партии, вождю, вопросам перевыполнения плана и ненависти к врагам внешним и внутренним. Так было. Но Иван Ефремов, при огромной живости и богатстве его натуры, душой и сердцем восставал против этого. И если отношение автора к советскому коммунизму – это вопрос дискуссионный, то советскую половую мораль писатель явно ненавидел и, как ни удивительно, ему удавалось в своих произведениях, несмотря на цензурные «рогатки», утверждать альтернативную точку зрения на вопросы пола.

Разумеется, не все удавалось опубликовать. Так, среди творчества Ефремова есть относительно ранние и откровенные рассказы: «Каллиройя» (1946 г., сюжет из древней Эллады) и «Тамралипта и Тиллоттама» (1954 г., о любви художника и индийской танцовщицы; задумывался как часть произведения о прекрасных женщинах из разных культур – «Краса ненаглядная»). Они увидели свет лишь в наше время, и в электронных библиотеках без вопросов располагаются в разделах «эротическая литература». Но писателем эти опыты были переработаны и использованы еще при жизни. Не нужно быть литературоведом, чтобы увидеть, что материал «Тиллоттамы» вошел в роман «Лезвие бритвы» (1962 г.), а от «Каллиройи» автор отталкивался при создании «Таис Афинской» (опубликована в 1973 г.). Впрочем, и профессиональные филологи, пусть и с запозданием, занялись изучением этих сюжетов (Агапитова 2016а; 2016б). Для самого писателя древние Крит, Эллада и Ин-

¹ Отсылка к высказываниям революционных фурий, а также к повести Л. Гумилевского «Собачий переулок», где воспевается «любовь» по-пролетарски.

дия – это некие идеальные пространства-времена, где в отдельные моменты могли выражаться его заветные мечты о любви и красоте. Собственно, об этом И. Ефремов писал и в своих главных фантастических произведениях. В «Туманности Андромеды» он раскрывает основания своего эстетического идеала, излагает свой взгляд на семью как свободное сожительство пар и провозглашает общественное воспитание (что вызвало вал критики). В «Часе Быка» прекрасная землянка, врач звездного флота, прилетев на планету Торманс, читает для местных научных сотрудников и врачей целую лекцию по половому просвещению (*sic!*). Это кажется смешным, но настоящей аудиторией этой лекции были, конечно, молодые советские читатели романа. Ефремов и его герои и героини не стесняются наготы и постоянно подчеркивают и обсуждают гармонию и красоту человеческого тела, особенно женского. В «Таис Афинской» в мастерской скульптора проводится целый симпозиум с дискуссией о критериях и факторах красоты женской фигуры. В повести «Сердце Змеи», встретив в далеком космосе инопланетный корабль и пристыковавшись к нему, пары демонстрируют представителям иной цивилизации свои обнаженные тела. (Ефремов был убежден, что разум может существовать только в антропоморфном теле, и схожесть телесного строения обитателей чужой планеты способствовала успешности контакта.) Список подобных примеров можно значительно расширить.

Но если среди романов И. Ефремова космическая фантастика все же больше связана с его вариантом социальной утопии, попытками дать развернутое описание коммунистического общества, то «Лезвие бритвы» и «Таис Афинская» – это подробное изложение эстетических воззрений автора. А поскольку идеал красоты у Ефремова тесно связан с человеческим телом, совершенство которого в полной мере раскрывается в эроте, то можно назвать эти романы²

² Жанровую принадлежность этих романов определить довольно затруднительно. «Лезвие бритвы» – это вроде бы книга о современниках, но произведение крайне эклектично. Как писатель И. Ефремов попытался под одну обложку втиснуть и авантюрный сюжет, и исторические экскурсы, и любовные переживания, и фантастические, с уклоном в эзотерику, страницы и др. Общий текст из-за этого часто «рассыпается». Впрочем, читательской популярности это не помешало, ведь из «Лезвия бритвы» в начале 1960-х гг. советский человек узнавал много такого,

ефремовской *эстетико-эротической утопией*. Общий план и отдельные детали этой утопии складывались у Ивана Ефремова на протяжении последних десятилетий его жизни, уточняясь и оттачиваясь до самой смерти писателя в 1972 г.

Конечно, как и у других писателей, биография Ефремова не могла не влиять на его творчество, на те его взгляды и идеалы, которые он настойчиво декларировал. Истоки ефремовского отношения к эротике, его речей о подлинной природе человека и важности для людей физической любви, которые со страстью и энтузиазмом постоянно произносят его герои и героини, в общем-то, нетрудно обнаружить в ряде обстоятельств личной жизни писателя. Конечно, касаться этой темы нужно со всей возможной деликатностью, но для проблематики данной статьи это может быть важным.

Летом 1961 г. после тяжелой болезни умерла вторая жена Ефремова Е. Д. Конжукова, что для писателя было сильным ударом (Сергеев 2019: 98). Но лет за десять до этого он встретил молодую Таисию Юхневскую, которая стала последней любовью писателя, его музой и ангелом-хранителем в годы тяжелой болезни, а после смерти Ивана Антоновича много сделала для сохранения его наследия. В опубликованном уже после смерти Ефремова его последнем романе «Таис Афинская» есть посвящение «тезке» главной героини: «*Т. И. Е. – теперь и всегда!*»

что в СССР было под запретом. «Таис Афинская» определяется как исторический роман, но для советской литературы это тоже очень необычное произведение. Ведь главным персонажем автор выбрал не предводителя восстания угнетенных трудящихся и даже не знаменитого полководца, а легендарную греческую гетеру. Таис Афинская некоторое время сопровождала Александра Македонского в его походах и (по популярной версии событий) побудила того сжечь захваченную столицу врага – Персеполис. Однако военные и политические события служат лишь фоном для эротических приключений и рассуждений о природе Красоты. Идеал прекрасного тела, тайных духовных практик, мечты об Уранополисе противопоставляются жестокостям войны и рабовладельческого общества. Поскольку сведений о Таис очень мало, если они вообще достоверны, и исторические источники во многом утрачены (см.: Агапитова 2015), то автор не стеснялся и отпустил на волю свою фантазию. Поэтому «Таис Афинская» – это, скорее, историческая фантастика или даже фэнтези. Но с жанрами текстов Ефремова пускай разбираются литературоведы; мы полагаем, что для социально-политического и социально-философского анализа романы Ивана Ефремова – это, прежде всего, *утопии*.

Однако можно представить, сколь тяжело было Ефремову разрываться между больной женой и молодой возлюбленной и сколько материала для сплетен и наветов это давало недоброжелателям! У писателя было много друзей и поклонников, но врагов и завистников тоже хватало. Для того чтобы понять, сколь большое мужество требовалось Ивану Ефремову для утверждения его социального и эстетико-эротического идеала, стоит вспомнить, в каком контрасте находились утопии Ефремова с конкретными обстоятельствами коммунистического тоталитаризма и советского быта.

Драматические коллизии в жизни И. А. Ефремова усугублялись его тяжелой болезнью, завистью и интригами некоторых коллег, непониманием и нападками на его книги со стороны значительной части читательской аудитории, а также литераторов и критиков, привыкших к совершенно другой эстетике. Эти обстоятельства читаются между строк во многих ефремовских произведениях. Причем не только герою «Лезвия бритвы» Гирину (в котором прочитываются некоторые черты самого автора) приходится противостоять пошлякам, мещанам и скрытым садистам, – такое можно списать на «родимые пятна» в еще несовершенном социалистическом обществе. Но даже в коммунистической «Гуманности Андромеды» обнаруживается отрицательный персонаж по имени Пур Хисс³, не-

³ «Народный поэт» Вс. Емелин в своих виршах на тему классической фантастики иронически обыгрывает этого персонажа уже в контексте постсоветского «беспредела»:

В книжках был один мерзавец – Пур Хисс
(Еще бы с такой фамилией).
А теперь оказалось, что Пур Хиссов, как крыс
И всех они зачморили...

Это стихотворение я уже использовал в качестве одного из эпитафий к своей книге про «нашу фантастическую политику» (Ковалев 2014: 59). Удивление вызывает не то, что в будущем могут жить столь несимпатичные персонажи (они могут быть, например, результатом генетических аномалий), а то, что Пур Хисс входит в состав экипажа звездолета, куда, по идее, должны попадать только лучшие из лучших. Куда, спрашивается, смотрела отборочная комиссия и почему космопсихологи даром ели свой бесплатный коммунистический хлеб? Но Ефремов идет на нарушение элементарной художественной логики своего утопического романа. Видимо, автора действительно «зачморили» пурхиссы – окружающие со всех сторон «строители коммунизма», эти антропологические продукты революционного эксперимента.

добрый завистник и резонер, что сразу вызывает вопросы о конструктивной ненадежности утопического здания, воздвигнутого в «прекрасном далеке».

Но зачем специально останавливаться на отдельном случае? Нищета, коммуналки и жилищная скученность, недоброжелательные взгляды, бытовые предрассудки, идеологические запреты, доносы и клеветы – среди всего этого и существовал «эрос» первого в мире социалистического государства. Ефремова, судя по всему, очень заботила низкая половая культура его современников и соотечественников, что, несмотря на официальное лицемерие и «высокие слова», постоянно проявлялось в «культуре общения» обитателей советского барака и общаг. В «Часе Быка» гомеровский сюжет о Цирцее интерпретируется таким образом, что половой инстинкт может возвысить мужчин до богини или низвести до уровня свиней. И. Ефремов по мере сил пытался этому противостоять, своими книгами, интервью, личным утверждением «внутренней свободы» и вызывающим нежеланием отказаться от мук и радостей свободного выбора в любви стремился показать возможность иного образа жизни. Примечательно, что даже дружественные критики, конфиденцы, находящиеся в постоянной переписке с Ефремовым, в своей книге о писателе всячески подчеркивали близость автора и героев «Туманности Андромеды» к Третьей Программе КПСС, но весьма сдержанно отнеслись ко взглядам писателя на семью, брак, взаимоотношения полов и описанию аксессуаров женского кокетства (Брандис, Дмитриевский 1963). Однако было бы ошибочно видеть в Ефремове просто энтузиаста полового просвещения, наподобие, например, Игоря Кона, знаменитого советского социолога, «переквалифицировавшегося» в сексолога (Кон 1989) и известного широкой публике именно в этом качестве.

Мировоззрение Ивана Ефремова, его диалектика Эроса-Танатоса наполнены ощущением трагизма и постоянной угрозы гибели, связанной с несовершенством человеческой природы. Восприятие и изображение любовного дара, по Ефремову, большей частью является ошибочным. В последнем романе писателя его главная героиня с горечью рассуждает: «Если человек хочет следовать богам, то его любовь должна быть такой же свободной, как и у них... а вовсе не как неодолимая сила, давящая и раздирающая нас. Но

странно, чем сильнее она завладевает своими жертвами, чем слабее они перед ней, в полном рабстве своих чувств, тем выше превозносятся поэтами эти жалкие люди, готовые на любые унижения и низкие поступки, ложь, убийства, воровство, клятвопреступление... Почему так? Разве этого хочет светоносная и среброногая Афродита?» (Ефремов 1980: 261–262).

Безусловно, и сама власть смерти, ужасного Танатоса, бросала сильнейшую тень на творчество писателя последних лет. Автор биографии Ивана Антоновича Ефремова писал: «В последние годы жизни он не раз уподоблял себя торпедированному крейсеру. Орудия ведут огонь, корабль идет, но уже обречен... Немногие знали, что Иван Антонович очень тяжело болен. Мысль о “пробоине” не оставляла его, он... знал скоротечность отпущенного срока» (Чудинов 1987: 56).

Но Танатос побеждал не только в биографии конкретного литератора.

2. Танатос. Антилюбовь в стране ГУЛАГа и «инстинкт смерти»

«Любить! – но не историю, не теорию, а де-вуш-ку!.. А чего лишили нас, скажи? Права ходить на собрания? На политучебу? Подписываться на заем? Единственное, в чем Пахан мог нам навредить – это лишить нас женщин! И он это сделал. На двадцать пять лет! Собака!! Да кто это может представить, что такое женщина для арестанта?» – так в отчаянии кричит зэк, обитатель Марфинской шарашки из романа Александра Солженицына «В круге первом» (Солженицын 1991: 85).

Оценивая эротические сцены в произведениях И. Ефремова, нужно хорошо представлять, из чего это выросло и по сравнению с *чем* утверждалось и пропагандировалось. На половую жизнь «строителей коммунизма» оказывали влияние страшные войны, гигантские концлагеря, когда миллионы мужчин и женщин надолго были лишены возможности нормального общения между собой, своей «весны на Заречной улице».

Приведем только один пример из жизни другого советского фантаста Сергея Снегова, автора первой советской космической оперы «Люди как боги». Он сидел в норильском лагере (кстати,

вместе со Львом Гумилевым) и работал на строительстве печально известного комбината, впоследствии захваченного олигархами. История его борьбы за женщину, которая стала его женой, перипетии их сражения за свою любовь и семью в нечеловеческих условиях и с огромным риском для жизни – это тема для героической саги, по напряженности и фантастичности сюжета далеко превосходящая самые смелые фантастические выдумки. Герои противостояли не нафантазированному злу в виде какой-то космической нежити, а самому настоящему inferно! Эта история описана в очерке о С. Снегове в «Красном сфинксе» Г. Прашкевича⁴ (2009).

Как обычно, эпохи бедствий имеют следствием демографические потери и половой дисбаланс. В годы масштабных войн мужчины погибают на фронтах, а женщины маются в тылу. Но в нашей стране, понесшей наибольшие человеческие потери в мировых войнах, к этому добавлялись еще и миллионные жертвы репрессий (см.: Эрлихман 2004). Даже если этих жертв не расстреливали и не подвергали голодомору, многолетние лагерные сроки означали для значительной части популяции антижизнь; инстинкт продолжения рода оставался без возможности удовлетворения. Это был сконструированный коммунистами ад – inferно, даже не по человеческим меркам, а просто по отношению к живым организмам, разделенным на два пола. Для многомиллионных обитателей ГУЛАГа

⁴ 10 лет лагерей, Сергей Снегов отправился по кругам ада: Бутырки, Лефортово, Соловки, Норильск... В 1952 г. в Норильске он знакомится со своей второй женой, приехавшей в Заполярье с мужем, военным финансистом, которого, впрочем, она оставила вскоре после приезда. За связь со ссыльным молодую женщину (она была младше Снегова на 17 лет) исключили из комсомола, выгнали с работы, в управлении НКВД ей предлагали отдельное жилье, которого офицеры ждали по нескольку лет, – только для того, чтобы заставить ее уйти от человека, которого она полюбила. Но Галя стояла насмерть. Между тем в Норильске происходила чистка: после уже подготовленного процесса «врачей-убийц» северный город собирался принять евреев, высланных из обеих столиц. Чтобы очистить место, на ссыльных заводили новое дело и либо расстреливали, либо давали им новый срок и готовили к отправке в лагерь на побережье Ледовитого океана и на острова в Белом море, что фактически тоже являлось казнью, только медленной. Сергея Снегова должны были отправить на Белое море. Узнав об этом, Галя настояла на официальном браке, хотя в той ситуации это было равнозначно смертному приговору, поскольку она автоматически становилась членом семьи врага народа... Однако через три месяца после того, как они расписались, умирает Сталин...

секс был доступен как редкая возможность, или в насильственных и извращенных формах, или как случайный пароксизм страсти посреди царства гибели и страданий.

Примечательно, что если в советское и постсоветское время о страданиях мужчин и женщин в тылу и на фронте, военной трагедии и вдовстве говорилось и писалось немало, то тема огромной половой неудовлетворенности репрессированных была маргинализована даже в «лагерной» литературе. Всплывала и обсуждалась она очень редко, и усиленно вытеснялась, выталкивалась как бы в «коллективное бессознательное» народа, неизбежно при этом влияя и, в том числе, на различные сексуальные комплексы и девиации. И как на этом фоне выглядели вдохновенные описания И. Ефремовым плотской любви, *какие* чувства и мысли, большей частью публично не артикулированные, вызывал у многочисленных советских жертв этот явный контраст! Все это *невысказанное* и *невыраженное* советские поколения большей частью уносили с собой в могилу, делая потомков неуспевающими прогульщиками в классе, где История проводила свои уроки. В связи с темой нашей статьи можно утверждать, что «половой вопрос» по-советски означает ситуацию, когда – в миллионных масштабах – мужчины без женщин, женщины без мужчин вроде бы живут, но не имеют возможности дать жизнь. И это служит аргументом в пользу трактовки социализма-коммунизма как «инстинкта смерти» и царства Танатоса.

Да, в реальной истории Россия, начиная с революции, попала в царство Смерти и пережила особое состояние, пребывая в этом страшном царстве. Вот, например, как знаменитый социолог и экстреволучионер П. Сорокин описывает этот экзистенциальный опыт начала «перехода к коммунизму»: «...мой друг расстрелян... Семейных из Ветлуги расстреляли нынешней ночью. Это прожорливое чудовище – Революция – не может жить, не упиваясь человеческой кровью. Я еще жив...» (Сорокин 2015: 163).

Знание о реальном опыте поколений, попавших в революционный шторм и ставших жертвами социалистического эксперимента, резко расходится с привычной с советских времен псевдорелигиозной картиной появления «нового мира», до которого наконец-то добралась «загнанная кляча» истории. (Как ни удивительно, но такое представление до сих пор довлеет над сознанием многих мил-

лионов людей в советских и даже постсоветских поколениях, питая мечты о кисельных берегах коммунизма.)

Вот это и оставляет по-прежнему актуальным обсуждение уроков реализации советской утопии в различных ее аспектах: от политического до сексуального. Россия до сих пор никак не может выбраться из того страшного «красного колеса», которое описывал А. И. Солженицын в своей эпопее. Это похоже на какое-то до абсурда бесконечное вращение, постоянное желание снова и снова наступать на одни и те же грабли.

Вроде бы подавление любой свободы тоталитарными режимами многократно описано и проанализировано, но оно продолжает оставаться (практически!) неусвоенным, что делает актуальными оценки, сделанные вскоре после Семнадцатого года, и комментарии спустя век после него, сближаясь с размышлениями и текстами советских диссидентов, которым, казалось бы, давно место в архиве.

Ощущения глухой несвободы и безнадежности современников нового безвременья, вопли ужаса жертв «красного террора» перекликаются с антикоммунистическими оценками революции и порядка, утвержденного ею, с антикоммунистической альтернативой, проросшей *из-под глыб* коммунистического геноцида и пропаганды. В знаменитом неподцензурном «тамиздатовском» сборнике И. Р. Шафаревич, известный советский математик и диссидент, соратник А. И. Солженицына, в полемическом запале писал в своей статье «Социализм»: «...социализм стремится к уничтожению тех сторон жизни, которые составляют подлинную основу существования человека. Поэтому нам представляется, что смерть человечества – это неизбежное, логическое следствие социалистической идеологии и одновременно реальная возможность, черты которой сквозят в каждом социалистическом движении и государстве, более или менее четко, в зависимости от того, насколько верно оно следует социалистическому идеалу» (Шафаревич 1974: 66)

Русский консервативный и православный публицист апеллировал даже к основателю психоанализа: «На фундаментальную роль стремления к самоуничтожению уже давно обратили внимание в биологии. Так, Фрейд считал его (под названием инстинкта смерти Танатоса) одной из двух основных сил, определяющих психиче-

скую жизнь человека. И социализм, захватывающий и подчиняющий себе миллионы людей, в движении, идеальной целью которого является смерть человечества, – конечно, не может быть понят, если не допустить, что те же идеи применимы и в области социальных явлений, то есть, что СРЕДИ ОСНОВНЫХ СИЛ, ПОД ДЕЙСТВИЕМ КОТОРЫХ РАЗВИВАЕТСЯ ИСТОРИЯ, ИМЕЕТСЯ СТРЕМЛЕНИЕ К САМОУНИЧТОЖЕНИЮ, ИНСТИНКТ СМЕРТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. (В этом месте сам автор переходит на написание заглавными буквами, придавая особое значение данному тезису. – В. К.) Понимание этого стремления как силы, аналогичной *инстинкту*, также дает возможность объяснить некоторые особенности социализма» (Шафаревич 1974: 69–70).

Разумеется, для И. Р. Шафаревича в то время советский коммунизм был главным врагом и воплощением смерти, хотя любой вариант тоталитаризма ведет народы к гибели (но, при желании, в итальянском фашизме и немецком нацизме можно найти и «социалистическую» составляющую). На наш взгляд, подход Игоря Шафаревича – это наиболее глубокая характеристика сути и последствий социалистической (коммунистической) утопии. Ленинско-сталинский режим, маоистский Китай эпохи «культурной революции», полпотовская Кампучия – это настоящие царства Смерти. С обвинениями в адрес социализма могут не согласиться, ведь социализм бывает разный, к примеру, шведский. Но речь идет именно об отечественном террористическом и диктаторском виде социализма, который был воплощен большевиками. В варианте социализма, предложенного ульяновыми, бронштейнами, джугашвили и пр., социализм означал именно господство Танатоса, смертельный народный «инстинкт», когда массовые жертвы революции, Гражданской войны и последующего истребления населения России были как будто подготовлены предшествующим всем этим кошмарам демографическим «перегревом» и относительным аграрным перенаселением.

Даже десятилетие спустя это трудно понять и принять как факт коммунистический террор, а потом смело искать причины крупномасштабной социальной катастрофы. Знающий подробную историю «красной Смуты» современный историк пишет: «Современному человеку сложно жить с сознанием зыбкости своего суще-

ствования – отсюда своего рода эсхатологическая паника, периодически охватывающая даже просвещенных людей, а равно и желание исследователей уклониться от бесстрастного проникновения в природу катастрофических явлений... Тематика революции стала малоприятным свидетельством когнитивной уязвимости всего современного обществоведения» (Булдаков 2015: 20)

Для нашей страны с ее опытом «коммунистического строительства» восприятие социализма связано с целым рядом aberrаций, что характерно даже для массы обществоведов, точнее, в первую очередь для них. Как нам представляется, по сравнению с массой марксистских и не совсем марксистских философов, с их рассуждениями об «общественно-экономических формациях», «социальном прогрессе», «исторических закономерностях» и т. д., математик И. Р. Шафаревич, трактуя социализм как «инстинкт Смерти», был прав. Тем более что опыт «первого в мире социалистического государства» никак нельзя назвать «первым». Массовая гибель людей в результате войн, голода, эпидемий и т. д., в рамках не опровергнутого полностью мальтузианства связывается с перенаселением и нехваткой ресурсов. По нашему мнению, совершенно логично установить связь между положением с демографией и ресурсами и политико-государственным устройством страны.

Это огромная тема, и мы здесь ограничимся лишь ссылкой на труды С. А. Нефедова (2007; 2008), но в общем «социализм», как бы он ни назывался, устанавливается, определяется доступностью еды и количеством едоков, что, конечно, по форме является утверждением примитивным и вульгарным. Для понимания социализма совсем не обязательно вникать в тонкости марксистско-ленинской диалектики и иной «схоластики»; достаточно указать на факт всевластия правителей и бюрократии и жесточайшего регулирования всех сторон жизни: от экономики до секса. Здесь уместно также отсылка к концепции К. Витфогеля (Wittfogel 1957), которая трактует деспотизм как результат масштабного регулирования ирригационных ресурсов, и в своей основе теория «восточного деспотизма», как бы ни критиковали ее за многочисленные натяжки и неточности, верна. Хотя при определенных условиях «восточный деспотизм» устанавливается не только на Востоке, но и на Западе,

на Севере и на Юге, и даже может установиться в глобальном масштабе.

Этот вывод – не просто предмет дискуссии историков и социологов, а актуальнейшая текущая повестка. Ведь нечто подобное мы наблюдаем и сейчас, а «гидравлическое общество» вполне может принимать форму «устойчивого развития» и ковидных ограничений с перспективой тотальной слежки и глобальной цифровой диктатуры. Уже очень многие критики и алармисты (а они не обязательно должны быть неправы!) кричат о проявившихся тенденциях как о «социализме» (обнаружившемся, например, в политике Демократической партии США). Этот глобальный «неосоциализм» с диктатурой корпораций и финансовой олигархии (а разве в практике «реального социализма» и «народной демократии» существовала когда-нибудь реальная власть трудящихся?) не только уничтожает свободу предпринимательства и институты либеральной демократии и гражданского общества. Более того, на фоне глобального перенаселения элита осуществляет свирепые меры в сексуальной области, направленные, как говорят многие, прежде всего против белых гетеросексуальных мужчин, брака как союза мужчины и женщины, привычной трактовки пола и сексуальности, практики рождения и воспитания детей. Для воплощения «инстинкта смерти» не всегда нужны войны и концлагеря, он может вполне реализовываться и в формате политкорректности...

Но вернемся от сегодняшней злобы дня к проблеме взаимоотношения полов у Ивана Ефремова. О конкретике нынешних массовых безумств он знать, конечно, не мог, но в его жизни и в его книгах баланс Эроса и Танатоса действительно находился на «лезвии бритвы».

Если брать внешнюю, биографическую канву, то Ивану Ефремову очень повезло по сравнению с десятками миллионов его соотечественников и современников. Его не убили на войне (как его родственников), не подвергали пыткам на допросах (как Л. Гумилева), не бросали в концлагерь (как С. Снегова); несмотря на многие драматические жизненные перипетии, Иван Антонович был счастлив в любви и личной жизни.

Но все это можно трактовать как цепь счастливых случайностей. Например, Ефремов, как и многие советские люди, неодно-

кратно мог быть репрессирован; особенно велика была опасность этого в 1930-е гг., когда был арестован отец его первой жены, а научных сотрудников «гребли частым бреднем». Для любого человека, а тем более талантливого писателя, не обязателен личный опыт, чтобы представлять себе последствия ареста в сталинский период. Кроме того, как мы уверены, И. Ефремов обладал необычайно богатой фантазией (советский фантаст № 1!), и яркие образы его фантастических миров, совершенное общество и прекрасная эротика были своего рода ответом на кошмары окружающей действительности. Для сравнения мы могли бы назвать другой схожий пример: Даниилу Андрееву во владимирской тюрьме являлись картины его величественной «Розы мира» (Андреев 1992).

Однако возвращение на грешную землю для носителей идеальных фантазий бывает очень болезненным. «Нестыковки» между утопией и действительностью отменить невозможно, в том числе и когда речь идет об утопии эротико-эстетической. Здесь встает уже вопрос о читательском восприятии и его последствиях. Действительно, произведения Ефремова были для его советских читателей чем-то необычным и ошеломляющим. Однако *как* можно было распорядиться полученной информацией? Социальный идеал прекрасного будущего нужно было, конечно, приближать, активно участвуя в деле коммунистического строительства (хотя здесь кратковременная вспышка энтузиазма шестидесятников сменилась цинизмом и двоемыслием), а вот что делать с любовью?

Кроме всего прочего, диктаторское государство – это обычно «земля без радости», край женской половой тоски и мужской сексуальной неудовлетворенности (что, разумеется, не отменяет многочисленных случаев нахождения личного счастья и последующих воспоминаний о том, что «трава прежде была зеленее». Но факт масштабной демографической катастрофы отменить было невозможно).

В более поздний период ефремовские эротические образы на некоторых, особенно на молодежь⁵, действовали завораживающе. Во времена после оттепели в СССР постепенно выправлялся ката-

⁵ Помню, я поступал в МГУ, и среди абитуриентов зашел разговор, а потом завязался спор о Ефремове, и одна девушка очень горячо и страстно защищала идеалы писателя.

строфический демографический перекоп, вызванный потерями в годы войны и репрессий⁶, так что вопрос «с кем?» (осуществлять свои мечты) стоял уже не столь остро. При этом, правда, трудно-разрешимым оставался вопрос «где?». Строителям коммунизма, вынужденным бытовать в отсутствие элементарных гигиенических удобств, ютась в избах, бараках, общежитиях, коммуналках и малогабаритных квартирах, было просто *некуда* пригласить бога Эроса, не с чем отправиться с визитом к Афродите⁷. Реакцией на такую ситуацию было массовое ханжество и проповедь «чистых отношений», стремление выдать нужду за добродетель. Но инстинкт все же брал вверх, и в ненормальных условиях естественных жизненных проявлений секс становился «грязным». Все это и порождало столь ненавидимые Ефремовым «пуризм» и распущенность, а сами ефремовские картины возвышенного Эроса начинали восприниматься как невероятные сказки с довольно циничной их интерпретацией.

Что касается горячих поклонников И. Ефремова, то не обрекали их советский утопист на дополнительные жизненные трудности, талантливо внушая им идеалы, реализовать которые было непросто, а то и вовсе невозможно?

* * *

Конечно, воспевание Ефремовым человеческой сексуальности и женского тела объяснялось не только личными и социальными обстоятельствами жизни писателя, подобные настроения находились под влиянием мировых культурных трендов, один из которых привел к расцвету на Западе так называемой сексуальной революции. Все-таки «железный занавес» был не совсем непроницаемым, и кое-что докатывалось до советской публики, хотя и в значительно искаженном виде.

Если субстратом, носителем этой «революции» на Западе было поколение послевоенных бэби-бумеров, то их идейными вдохнови-

⁶ После войны это стало трагедией миллионов русских женщин, потенциально лишенных женихов и мужей и вынужденных к тому же буквально пахать на себе: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик!» (горькая частушка того времени).

⁷ Даже взрослые и вроде бы самостоятельные люди элементарно не могли найти места для интимных встреч, как это показано в известном фильме «Любить» (1968) Д. Калика со С. Светличной.

телями были фрейдомарксисты. В принципе, небезынтересным является сюжет о переключке взглядов советского фантаста с психоанализом, идеями Франкфуртской школы и т. д. Иногда такие параллели ищут даже в созвучиях имен: одного из героев писателя зовут Эрф Ром, что напоминает небезызвестного Эриха Фромма. Это не кажется нам убедительным, но оставим эту проблему биографам писателя, работающим с его архивами. Конечно, описание связи Эроса/Танатоса идет от Фрейда и его последователей. Но сам Ефремов их неоднократно критиковал и высмеивал, поэтому нам кажется неадекватным тесное сближение взглядов Ефремова и фрейдистов. Скорее, писатель использовал более широкое, «общечеловеческое» представление о неразрывной связи Любви и Смерти (см. эпиграф к данной статье). Да и масштаб у ефремовской дистопии совершенно другой: если психоанализ озабочен отдельными, пусть и многочисленными случаями подавления либидо, то советский фантаст рассуждал о выживании планетарной цивилизации. К тому же писатель усиленно «шифровался» от цензуры, прибегая к многослойным символам и кодам для изложения своих настоящих взглядов.

Аутентичная реконструкция его взглядов затруднена еще и потому, что наступили другие времена, где тот же ефремовский эротизм совершенно по-разному воспринимается в контексте его эпохи и, скажем, сейчас, когда в массовой культуре прежний «запретный плод» уже давно перестал быть запретным, любой юзер через пару кликов имеет доступ к «мегатоннам» сетевой порнографии. Но даже в этих, внешне вроде бы изменившихся, условиях критика Ефремовым ханжеских запретов остается актуальной, причем в связи с самыми абсурдными поводами⁸ (*sic!*). Но при всей актуаль-

⁸ Так, например, законодатели недавно ввели ограничения на торговлю книгами 18+, которые должны быть завернуты в целлофан и не продаваться подросткам. Были случаи, когда старшеклассники не могли купить литературу, рекомендованную им по школьной программе. И это, повторим, в условиях, когда у каждого есть смартфон и компьютер с доступом к порнохабу. Воистину, инстинкт «запретить!» у «начальства» неискореним, и система запретов, которые раньше или писались от руки, или диктовались машинистке, получила новые, беспрецедентные возможности с появлением «бешеного принтера». Справедливости ради отметим, что сегодня в области взаимоотношений полов РФ остается даже более свободной по сравнению с Западом, где элиты увлеклись новыми «гендерными»

ности критики И. Ефремовым диктатур и плутократий мы не должны забывать о разрабатываемой им проблематике утопий грядущего.

3. (Анти)Утопия. Освобождение через катастрофу?

Утопические романы И. Ефремова значимы не столько и не только в качестве демонстрации «нездешнего идеала» (что и составляет суть утопии) или как «романы-предупреждения» (дистопии). Их главное значение, как нам представляется, в том, что через мечты о совершенном сообществе и прекрасном Эросе явственно проявляются опасения и страхи живущих перед лицом планетарной катастрофы или глобального торжества «инстинкта смерти». Этот «инстинкт», несмотря на все сомнения в правильности такого определения, часто и явно дает о себе знать, когда помимо привычных для человеческих сообществ издержек «войны полов» и «странностей любви» добавляются факторы, уничтожающие жизнь и мешающие ее нормальному воспроизводству в сложной демографической ситуации.

Но своеобразие ефремовских романов, конечно, нельзя свести только к «злобе дня». Сам жанр утопии, постоянно переходящей в свою антиутопическую противоположность, аналогичен связи любви и смерти, диалектике Эроса и Танатоса. В предыдущей статье мы пытались показать, что даже самую прекрасную и полную картину коммунистической эры, вопреки восторгам коммунарских почитателей, под определенным углом зрения вполне можно представить как жуткую дистопию, «мир выживших китайцев» (см.: Ковалев 2020). *Любые* утопии, заслуживающие хоть какого-то внимания, всегда отбрасывают тени антиутопии, которые не исчезают даже в «Полдень»⁹.

модами. «Элиты» здесь более интересуются не сексуальными репрессалиями и правами трансгендеров, а ограничением возможностей социума помешать бесконечному и бесконтрольному воровству.

⁹ Отсылка к роману братьев Стругацких (Стругацкий А., Стругацкий Б. 1963) «Возвращение (Полдень. 22-й век)». Мир «Полудня» – это также картина совершенной жизни при коммунизме, вдохновляющей фанатов «братской» фантастики. Но при более внимательном прочтении этот полуденный мир оказывается наполненным тоталитарными кошмарами. Разумеется, читательские интерпретации могут быть совершенно противоположными и взаимно исключаящими. Очень кратко укажем здесь на то, что в истории советской фантастики отношения между

Некоторых героев «коммунистических» романов И. Ефремова, несмотря, на, казалось бы, идеальное социальное окружение и жизнь, наполненную счастьем и творчеством, постоянно гложет какая-то внутренняя тоска. Это странно, так как, по мнению критиков Ефремова, его герои написаны «плоско» и лишены психологического своеобразия, и, по сути, они лишь ходячие образы-функции для выражения некоей идеи. Мы считаем такие утверждения крайне спорными, но откуда же берется здесь экзистенциальная тревога? Автор книги «В союзе с утопией» трактует данный (анти)психологизм следующим образом: «Этот странный опыт антипсихологичной психологизации в каком-то смысле позволяет заглянуть внутрь утопии (обычно герметичной, различимой лишь через призму внешнего взгляда) и увидеть то мучительное одиночество “в клеточке” или “за прозрачной защитной броней”, на которое обрекает утопическое стремление к абсолютному смыслу. Коллективизм тут, конечно, единственно возможный, но не слишком надежный компенсаторный ресурс; борьба с неподконтрольными формами жизни, *с жизнью как таковой* (курсив мой. – В. К.), всегда несущей в себе угрозу смерти (всегда приближающей смерть), превращает идеализацию в спиртовой раствор, в котором консервируется *специфическое для утопии промежуточное состояние между жизнью и смертью* (курсив мой. – В. К.). В сущности, утопическое пространство нельзя покинуть...» (Каспэ 2018: 179).

Это, наверно, так. Но как же нам, хотя бы в случае с Иваном Ефремовым, примирить критику с восхищением? Мы увлекаемся «прекрасными мирами», которые оборачиваются кошмарами тоталитарными

самыми популярными ее авторами – Иваном Ефремовым, с одной стороны, и Аркадием и Борисом Стругацкими – с другой, характеризовались переходом от дружбы и сотрудничества (Ефремов помогал более молодым коллегам по цеху) к отчуждению и критике (об этом см., например: Сергеев 2017). Этому способствовало все большее взаимное осознание разницы их эстетических и общественно-политических ценностей. Среди любителей фантастики в нашей стране также можно выделить (конечно, без четких границ) неформальные «партии» – Ефремова и Стругацких. Порой взаимоотношения между ними весьма враждебны, и в этом, к сожалению, заметную роль играет и национальный фактор, проявления антисемитизма и дикой русофобии. Впрочем, в большинстве своем поклонники советской фантастики с удовольствием читали и читают Ефремова и Стругацких, не примыкая ни к одной из полярных «партий».

литаризма. В то же время склонность к утопическим представлениям – это совершенно неизбежное свойство человеческого сознания – и коллективного, и, в большинстве случаев, индивидуального. Суровая реальность с неудовлетворительными условиями жизни, из которых нельзя вырваться, и «Нигде» – это полюса, между которыми располагаются компенсаторные мечты и фантазии, предлагающие альтернативы безрадостному существованию, хотя и с иным онтологическим статусом; в какой-то степени библиотеки фантастики взяли на себя на определенное время функцию мировых религий. Кроме того, утопии – это важнейшее средство для познания истории, понимания настоящего и разведки будущего.

При нашем крайне отрицательном отношении к рецептам утопий, прежде всего коммунистических, мы считаем правильным «перпендикулярный» подход к ним. И здесь нам близка точка зрения, которую разделяла, например, Виктория Чаликова. Известная исследовательница утопий отмечала, что утопия – «это рационально-художественное освоение того, что уже дано человеку в метаисторических формах мышления – в мифологии, в эсхатологических пророчествах... Будучи способом и формой рационализации существования человека, освобождения его от власти смерти, власти истории, утопия не имеет никакого источника, кроме себя самой, никакого другого начала. Утопия рождается из утопии. Другое дело, что на каждом данном (относительно искусственно выделенном) отрезке истории можно определить ее временный источник – социальную идеологию, технологический миф, экологическую этику» (Чаликова 1992: 15).

Согласно приведенным утверждениям авторитетных исследователей, утопия носит и герметичный, и вневременной характер. Из (анти)утопии нельзя выйти, ее нельзя отменить. Остается обратиться к конкретным, временным источникам утопии, при обязательном сохранении плюрализма трактовок «идеального мира».

Можно посмотреть на указанные источники и в конкретном ефремовском «кейсе». Главное здесь, наверное, приверженность коммунистическому социальному идеалу. Технологический миф у Ефремова тоже присутствует: на страницах его произведений летают звездолеты и бегают роботы с нечетным количеством ног, но видно, что для писателя это далеко не самое важное. Это лишь де-

корации, антураж для показа того, как может и должен раскрыть свои возможности человек. Экологическая этика тоже актуальна для трактовки ефремовских произведений.

Автора «Туманности Андромеды» в последнее время стало модным обвинять в антиэкологизме, ведь в его романе вредные виды (несчастные осьминоги!) подлежат безжалостному уничтожению, и это часто является заданием для «подвигов Геркулеса», которые обязан совершить каждый землянин, вступающий в жизнь. Здесь явная временная аберрация восприятия, ведь в период мировой популярности Греты Тунберг пафос «покорения природы» послевоенных десятилетий с проведением открытых ядерных взрывов и широким применением ДДТ кажется диким.

Есть соблазн объявить Ефремова не только «антируссистом», но и противником природы и даже «гностиком», страдающим от постоянного инферно, обусловленного гнетом материи, враждебной высокому человеческому духу, и жестокими правилами естественного отбора (Фрумкин 2020б). При желании «гностические» элементы можно найти на страницах книг Ефремова¹⁰. Но однозначно связать его с утопической традицией полного «покорения враждебной природы» тоже не получается. Тема «основного инстинкта», в данном случае – эротического, не дает этого сделать. В ефремовской утопии все наоборот: физическое совершенство человеческой природы как раз и должно раскрываться через сексуальность, правда, с подавлением препятствий, обусловленных архаичными природными рудиментами и несовершенствами прежней социальной организации.

Но как от этого порочного мира попасть в прекрасное «тридевятиое царство»? Сказочно фантастический рецепт предполагает здесь прохождение через смертельные испытания. У Ефремова практически открытым текстом и в романах, и особенно в переписке говорится о назревающем коллапсе земной цивилизации. Какие же опасности прежде всего подстерегают человечество?

¹⁰ Вот звездолет «прямого луча» «Темное пламя». Крошечная пылинка корабля с несколькими носителями высокого разума на грани мира и антимира противостоит тьме и опасностям бесконечного и враждебного космоса, как будто сотворенного «злым Демиургом»... Впрочем, Ефремов, заметим, был противником теории Большого взрыва.

В годы жизни и писательской карьеры Ефремова начиная с середины 1940-х гг. наиболее актуальной угрозой представлялось ядерное оружие или другие виды ОМП. (*A propose*: коммунистический мир Ефремова – это общество выживших после ядерной войны?) Сегодня ядерная угроза кажется менее актуальной, хотя, конечно, нельзя исключать, что какой-нибудь маньяк нажмет на кнопку (и тогда «мы попадем в рай, а они сдохнут»). Однако почему бы, разбирая фантастику, не позволить себе пофантазировать над иными прогнозами в рамках нашей темы?

Как нам кажется, гораздо большую угрозу цивилизации сегодня представляет сценарий «постчеловечества» и продвигающие его энтузиасты воплощения математической и технологической «сингулярности» на практике (см., например: Фрумкин 2016). Трансгуманизм, поствитализм, киборгизация, химеризация, запись человеческого сознания на электронные носители, освобождение от материи, торжество искусственного интеллекта в космическом масштабе и т. п. Нет ли в подобных проектах воплощения самых смелых и страшных мечтаний представителей пресловутого «русского космизма» (Семенова, Ганева 1993) и, если уж говорить прямо, то, по оценке критиков, в наиболее показательных случаях – настоящих «городских сумасшедших» (Салахутдинов 2000)?

Всяким «лучистым человечествам», избавившимся от смерти, секс, конечно, тоже не нужен. Сегодня все больше кажется, что ефремовский посткатастрофический мир – это как раз цивилизация, поднимавшаяся после разрушительных экспериментов с человеческой природой, об опасности которых предупреждали многие «биоконсерваторы» (Фукуяма 2004). И развитие в посткатастрофические «эры» – это жизнь с учетом уроков страшных экспериментов, которые готовятся сегодня. Если уж попытка «коренного переустройства общества» собрала дань скорби, далеко превзошедшую предсказанные Ф. М. Достоевским «сто миллионов» голов, то останется ли на Земле хоть что-нибудь после опытов по «коренной переделке человеческой природы»? А ведь уверенность в своем праве на великий эксперимент, который в свое время демонстрировали социалисты, сегодня характерна для «трансгуманистов» и пр.

Что, например, бросается в глаза в «мирах Ивана Ефремова»? Не одни мы заметили, что там – через тысячи лет! – уровень разви-

тия науки и техники в ряде областей значительно отстает от нынешнего, особенно в развитии «цифры», компьютеров, биоинженерии, генетических манипуляций и многого того, что так модно в начале XXI в. (Хотя в «Часе Быка» биологи предпринимают усилия для того, чтобы у людей с Земли и представителей «Эры Встретившихся Рук» могло рождаться общее потомство.) Самым простым объяснением будет то, что писатель, умерший в 1972 г., просто не мог предвидеть этого. Но, возможно, что не просто «не мог», но и «не хотел», неоднократно высказываясь против опасных направлений в науке. В будущем у Ефремова нет никакого «кнопочного рая», «виртуального секса», «киборгов», «цифрового бессмертия» и т. д. Наоборот, в ефремовских романах о будущем половая любовь и биологическая смерть, если можно так выразиться, восстановлены в своих правах. Конечно, при этом человеческая жизнь стала гораздо продолжительнее и полнокровнее, а половые отношения намного свободнее, что вызывает критику с точки зрения несовершенной морали человеческой «предыстории»¹¹. И рай на земле не наступает.

Ефремовский идеал взаимодействия между полами – это свободный союз мужчины и женщины с общественным воспитанием детей и, конечно же, без внешней регламентации, постоянно манипулирующей сексуальными потребностями ради власти и выгоды. В мире «Туманности Андромеды» есть острова, где матери могут растить своих детей или заниматься простым трудом «благородного дикаря», если люди желают этого, но нет институций, которые борются с Эросом ради Танатоса, какими бы «благородными» целями не оправдывались войны, лишение свободы, дискриминация женщин, подавление мужчин, неравенство и дискриминация по

¹¹ С точки зрения марксистов-коммунистов, жить подлинной жизнью люди начнут только после уничтожения эксплуататорского общества, а до того у человечества лишь «предыстория», которая в ефремовской утопии называется «Эрой разделенного мира». Отметим здесь попутно, что другая опасность катастрофы связана как раз с «разделенным миром» и с «национальным вопросом». В произведениях Ефремова показано объединенное человечество, мир «без России, без Латвий», о котором мечтали пролетарские поэты. Но не означает ли мир без государств и наций «тепловую смерть человечества»? Быть может, в попытке построить «совершенное» общество создается некий аналог «Вавилонской башни». Но это – тема отдельного исследования.

признаку пола, идеологический террор со стороны секс-меньшинств, практики кибер- и виртуального секса как альтернативы природной человеческой сексуальности и т. д.

При этом эротическая сторона человеческой жизни в эпоху «Эры Великого Кольца» и «Эры Встретившихся Рук» не пускается на самотек (что может возмущать уже сторонников полной эмансипации в этом вопросе). Правильным здесь, по мнению писателя, был путь не только морально-психологического воздействия и изменения социальных условий, но и средств евгеники. В «Часе Быка» утверждается, что на Земле будущего широко практикуется начальное целенаправленное знакомство пар. В принципе, это кажется разумным, ведь если уже сейчас обработка «больших данных» позволяет подобрать эффективную адресную рекламу, то что мешает использовать такие технологии для создания счастливых семей? Чтобы мужчины и женщины не мучились от неправильного и случайного выбора, пущенного на самотек, и не страдали от нахождения рядом партнера, который им совершенно не подходит, но который выгоден экономически. Но ведь при коммунизме такой выгоды не будет, а целеполагания здорового потомства в сообществе живых организмов никто не отменял. Задача эта не вызывает сомнения сама по себе, но вот кто и в каких целях будет ее использовать? Ведь та же евгеника была скомпрометирована нацистскими и не только нацистскими человеконенавистническими экспериментами. Как можно сделать иначе? Как не допустить злоупотреблений в столь важных сферах? И. Ефремов напряженно искал ответы на эти вопросы, пользуясь, как сегодня ясно видно, не только коммунистическими методичками.

Чем больше читаешь писателя, тем очевиднее, что Иван Ефремов – это совершенно уникальная фигура, в своем творчестве сочетавшая, казалось бы, несочетаемое, и этим он особенно интересен. Ефремов – фурьерист (?), фрейдомарксист (?), догматик научного коммунизма (?). С таким же успехом его можно характеризовать как гностика, рерихианца, ницшеанца, сторонника евгеники, голос ноосферного космизма, выразителя мировоззрения буддизма или тантризма, – и этот список можно продолжать... Но попытки поставить Ивана Ефремова в ранг определенной номинации, а потом четко следовать ей приводят обычно к злой карикатуре на ефре-

мовское творчество, что особенно хорошо видно, еще с советских времен, на примере его поклонников – больших энтузиастов «коммуны» или «эзотерики». Создать «школу Ефремова» или «писать под Ефремова», на наш взгляд, удачно не удалось никому, именно в силу односторонних трактовок наследия мыслителя и писателя, хотя ракурсы таких трактовок выбирались разные.

Именно в силу уникального сочетания самых разных идейных течений Ивану Ефремову удалось создать наиболее совершенную утопию – не в смысле ее осуществления, а именно как идеальный мир, погружаясь в который можно с успехом исследовать реальные проблемы. И именно «эклетика» ефремовского мировоззрения дает шанс замыслить и осуществить побег из, казалось бы, герметичного и самодовлеющего пространства его утопии, найти от нее тропы к актуальной реальности. Назову две главных, по мнению автора, идеи-предупреждения, адресованные нам Ефремовым. Это, во-первых, назревание неизбежной глобальной катастрофы, после которой и будет открыта возможность коммунистической организации мира; и во-вторых, это страстный призыв признать значение свободного Эроса для нормальной человеческой жизни. В двух этих наиболее ярких примерах – залог *растущей актуальности* ефремовской мысли.

У Ивана Ефремова было и есть множество недоброжелателей. Они упорно продолжают называть его «слабым» писателем (сотни переизданий и десятки переводов на другие языки – это как-то странно для графомана) или всячески пытаются упростить до привычных для них примитивных схем его идеи. Причем последним занимаются и те, кто искренне считают себя наследниками и продолжателями «дела Ефремова». Сейчас популярность Ивана Ефремова гораздо ниже, чем в советские времена, и это понятно: книжный дефицит в прошлом, тогда как сегодня любителям фантастики, эзотерики, эротики и т. д. вовсе не обязательно искать «Лезвие бритвы». Однако некоторые «ефремовцы» с упорством, достойным лучшего применения, в своих жизнеописаниях, сборниках, на конференциях и порталах, мы бы сказали, по-сектантски продолжают трактовать его в «советском духе» и в соответствии со своими идеологическими пристрастиями, рисуя, по нашему мнению, портрет Ефремова-утописта в ущерб Ефремову-мыслителю.

Но отрадно заметить, что, помимо фанатов, серьезным анализом ефремовского наследия сейчас активно занимаются ученые, и не только литературоведы. Так, в позапрошлом (Сергеев 2019) и прошлом (Фрумкин 2020а) годах вышли серьезные монографии, где исследуются социально-философские и политико-исторические аспекты наследия Ефремова. И эта работа, несомненно, будет продолжена. Да, если повторять как мантру, что «великий писатель показал в своих произведениях путь к прекрасному коммунистическому будущему», то к этому, в принципе, нечего добавить. Но если, отбросив штампы, разбирать острейшие противоречия творчества и мировоззрения И. Ефремова, то здесь нам гарантированы не только острейшие столкновения на идейной почве, но и множество «открытий чудных» – и весьма актуальных для сохранения Жизни.

Литература

Агапитова, Е. К.

2015. Исторические источники в романе И. А. Ефремова «Таис Афинская». *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* 7(152): 103–106.

2016а. Две редакции романа И. А. Ефремова «Лезвие бритвы». *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* 1(154): 78–82.

2016б. Цензурная и авторская правка романа И. А. Ефремова «Таис Афинская». *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* 7–2(160): 109–113.

Андреев, Д. Л. 1992. *Роза Мира*. М.: Иной мир. 576 с.

Брандис, Е., Дмитриевский, В. 1963. *Через горы времени: Очерк творчества И. Ефремова*. М.; Л.: Советский писатель. 220 с.

Булдаков, В. П. 2015. Кризисный ритм российской истории: к культурно-антропологическому переосмыслению. *Политическая концептология* 2: 18–52.

Головановская, М. (сост.) 2015. *Уроки русской любви. 100 любовных признаний из великой русской литературы*: антология. М.: Corpus. 592 с.

Ефремов, И. А.

1962. Наклонный горизонт (Заметки о будущем литературы). *Вопросы литературы* 8: 48–67.

1980. *Таис Афинская: Исторический роман*. М.: Правда. 544 с.

Каспэ, И. 2018. *В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры*. М.: НЛО. 432 с.

Ковалев, В. А.

2014. *Наша фантастическая политика: социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим*. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ. 172 с.

2015. Иван Ефремов – попытка апологии. В: Ковалев, В. А. *Свободные темы: Эссе – Заметки – Дневник читателя*. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина. С. 20–54.

2019. От идеологии к утопии. Коммунистический проект Ивана Ефремова. *Наследие* 1(14): 104–118.

2020. Две стороны инферно. Утопия и антиутопия в творчестве Ивана Ефремова (статья первая). *История и современность* 1: 94–115. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2020.01.05>.

Кон, И. С. 1989. *Введение в сексологию*. М.: Медицина. 336 с.

Нефедов, С. А.

2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ. 141 с.

2008. *Факторный анализ исторического процесса. История Востока*. М.: Территория будущего. 751 с.

Прашкевич, Г. М. 2009. *Красный сфинкс. История русской фантастики от В. Ф. Одоевского до Бориса Штерна*. Новосибирск: Свиньин и сыновья. 718 с.

Салахутдинов, Г. М. 2000. *Блеск и нищета К. Э. Циолковского*. М.: АМИ. 248 с.

Семенова, С. Г., Ганева, А. Г. (сост.) 1993. *Русский космизм: Антология философской мысли*. М.: Педагогика-Пресс. 368 с.

Сергеев, С. А.

2017. Мечтая об антиимперии: Иван Ефремов в поисках «третьего пути». *Ab Imperio* 3: 119–160.

2019. *Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX века*. Казань: КНИТУ. 128 с.

Солженицын, А. И. 1991. *В круге первом*. Роман. Кн. 1. В: Солженицын, А. И., *Малое собр. соч.* Т. 1. М.: ИНКОМ НВ. 384 с.

Сорокин, П. А. 2015. *Листки из русского дневника. Социология революции*. Сыктывкар: Анбур. 848 с.

Стругацкий А., Стругацкий Б. 1963. *Возвращение (Полдень. 22-й век)*. М.: Детгиз. 256 с.

Фрумкин, К. Г.

(сост.) 2016. Сингулярность. Образы «постчеловечества»: сб. М.: Алгоритм. 320 с.

2020а. *Соблазны «Туманности Андромеды»: Лейтмотивы коммунистической утопии от Томаса Мора до Ефремова и Стругацких*. М.: URSS. 208 с.

2020б. Советская утопия против «безобразного естественного». *Знамя* 7. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7662> (дата обращения: 02.02.2021).

Фукуяма, Ф. 2004. *Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции*. М.: АСТ; ЛЮКС. 349 с.

Чаликова, В. 1992. *Утопия и культура. Эссе разных лет*. Т. 1. М.: ИНИОН РАН. 232 с.

Чудинов, П. К. 1987. *Иван Антонович Ефремов*. М.: Наука. 224 с.

Шафаревич, И. Р. 1974. Социализм. *Из-под глыб*: сб. ст. Париж: YMCA-Press. С. 29–72.

Эрлихман, В. В. 2004. *Потери народонаселения в XX веке: справочник*. М.: Русская панорама. 176 с.

Wittfogel, K. A. 1957. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press. 571 pp.